

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Леонид Соловьев,
Виктор Виткович

Здравствуй,
Ходжа Насреддин!
(дилогия)

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Леонид Соловьев

Здравствуй, Ходжа Насреддин!

«ФТМ»

1946

Соловьев Л. В.

Здравствуй, Ходжа Насреддин! / Л. В. Соловьев — «ФТМ»,
1946 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Драматургическая диалогия Виктора Витковича и Леонида Соловьева «Здравствуй, Ходжа Насреддин» включает пьесы «Веселый грешник» и «Очарованный принц». Их герой, известный персонаж восточных легенд Ходжа Насреддин – защитник бедняков и достойный противник хитроумных мошенников «с положением». Первая часть диалогии отличается остроумием, добрым и жизнерадостным настроением, вторая написана в несколько ином, более философском стиле.

© Соловьев Л. В., 1946

© ФТМ, 1946

Содержание

Веселый грешник	5
Действующие лица	5
Пролог	6
Действие первое	7
Антракт 1	14
Антракт 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Леонид Соловьев, Виктор Виткович

Здравствуй, Ходжа Насреддин!

(дилогия)

Веселый грешник
Комедия в двух действиях,
девяти картинах, с прологом

Действующие лица

Ходжа Насреддин.

Его ишак.

Ростовщик **Джафар.**

Горшечник **Нияз.**

Гюльджан – его дочь.

Гуссейн Гуслия – мудрец и звездочет из Багдада.

Эмир бухарский.

Отун-биби – его старшая жена, хранительница гарема.

Бахтияр – главный визирь.

Мудрец с бородой, которой можно обвязаться трижды.

Мудрец в непомерной чалме.

Главный эмирский **кальянщик.**

Дворцовый **мухобой.**

Чайханщик **Али.**

Кузнец **Юсуп.**

Седельник **Шир-Мамед.**

Водонос.

Рябой стражник, он же шпион.

Толстый стражник.

Тощий стражник.

Глашатай.

Жены ремесленников, жены эмира, слуга, палач.

Пролог

Перед занавесом мирно спят Ходжа Насреддин и его ишак. Вдали зазвучали чистые, высокие, протяжные голоса муэдзинов. Ходжа Насреддин просыпается, встает.

Насреддин. Ну вот и Бухара, вот мы и дома! *(Мечтательно оглядывает даль.)* Сколько лет мы здесь не были... *(Показывает ишаку.)* Вон среди тех тополей был дом, в котором я родился и вырос... А вон, видишь минарет? Под ним школа, где за два года я получил столько тумачков, сколько ты за всю свою жизнь не получишь... Хмм, кладбище – там покоятся вечным сном все мои предки... И живодерня, где оканчивали свою жизнь все твои предки... А-а, дворец эмира! Ну, туда мы с тобой никогда не попадем. Да и не надо. А вон чайхана! И если бы у нас с тобой были деньги... Впрочем, на свете нет чайханы, где я не получил бы чайник крепкого чая, а ты сноп клевера. Пойдем, Пфак! *(Накрывая ишака попоной и укрепляя переметные сумы, поет.)*

Трава растет для меня,
Миндаль цветет для меня,
Клубится пыль для меня,
Потому что я человек!

Роса блестит для меня,
Пчела гудит для меня,
Арба скрипит для меня,
Потому что я человек!

Арык течет для меня,
Урюк цветет для меня,
Верблюд плюет для меня,
Потому что я человек!

(Уходит, уводя за собой в поводу ишака.)

Действие первое

Картина первая

Чайхана. Напротив глинобитный забор и калитка во дворик Нияза; на плоской кровле его дома сушатся на солнце горшки. В чайхане тесным кругом сидят чайханщик Али, кузнец Юсуп с клещами за поясом и седельник Шир-Мамед, у которого халат похож на созревшее хлопковое поле: отовсюду лезет вата.

Али. Говорят, что месяца два назад его видели в Турции, в Ак-Шехире.

Шир-Мамед. Тсс... Тише...

Ремесленники испуганно оглядываются. Входит Ходжа Насреддин, привязывает ишака. Садится в стороне от ремесленников.

Насреддин. Чайханщик! Чайник крепкого китайского чая и сноп клевера моему ишаку!

Али подает ему чай, бросает ишаку сноп клевера. Убедившись, что путник их не подслушивает, ремесленники продолжают вполголоса.

Али. А вчера угольщик Раим-Миршаид сказал, что ему говорил медник Усто Мах-меджан, со слов одного погонщика каравана, будто две недели назад его видели в Самарканде...

Шир-Мамед. Тсс... Тише...

Юсуп. Что ты все шипишь, почтенный Шир-Мамед? Ты стал труслив как заяц.

Шир-Мамед. Если б ты полежал под эмирскими плетями, как я, ты бы тоже поубавил смелости.

Юсуп. Я дважды лежал под эмирскими плетями.

Али. Его видели в Самарканде, когда он выходил из города через Бухарские ворота.

Шир-Мамед. Так, может быть, он направился сюда, в Бухару?

Али. Этого не знает никто. Он появляется, где захочет, и исчезает, когда захочет. Он везде и нигде, наш несравненный Ходжа Насреддин.

Юсуп. И всюду он стоит за простых людей.

Али. Говорят, что он и сам простого, незнатного рода. Он – сын чайханщика.

Юсуп. Какого чайханщика? Он из нашего сословия кузнецов.

Али. Но я точно знаю, что он сын чайханщика.

Юсуп. А я тебе говорю, что из кузнецов! Он родился в Герате.

Али. В Герате?! Он родился в Герате! Всем известно, что он родился здесь, в Бухаре, в семье чайханщика.

Юсуп (*вспылив, почти кричит*). Насреддин родился в Герате!

Али. А я говорю – в Бухаре!

Шир-Мамед (*изнемогая от страха*). Тсс... Тише... Не орите так! (*Придвигается к ним.*) Кроме того, вы ошибаетесь оба. На самом деле Насреддин родился в Ходженте, в семье одного седельника.

Али и Юсуп. Седельника? (*От смеха валятся на спину.*) Седельника!.. Насреддин родился в семье седельника!..

Шир-Мамед. Ничего смешного я тут не вижу.

Юсуп. Подумай сам, Шир-Мамед: если бы в нем текла кровь седельников, откуда у него было бы столько смелости? (*К Али.*) Смелость всегда отличала сословие кузнецов.

Али. Ты забыл, Юсуп, что он обладает еще острым умом и благородной хитростью и, помимо того, всегда готов накормить и напоить каждого бедняка. Эти свойства присущи как раз чайханщикам!

Юсуп. Опять! Сколько раз тебе нужно повторять, что Ходжа Насреддин – сын кузнеца, внук кузнеца и правнук кузнеца!..

Шир-Мамед. Тсс...

Входит водонос.

Ремесленники. Саид! Иди сюда, Саид... Разреши наш спор...

Али. Я говорю им, что Ходжа Насреддин родился в семье чайханщика...

Юсуп. Кузнеца!..

Шир-Мамед. Седельника!..

Водонос. Великий Аллах! Всем известно, что Ходжа Насреддин родился в Шахри-сябзе, в семье простого водоноса!

Ремесленники. Водоноса? *(От смеха валятся на спину.)* Водоноса?!

Насреддин *(подойдя к ремесленникам).* Что это вы машете руками, почтеннейшие?

Водонос. Подумай только, эти люди еще смеются надо мной, когда я...

Шир-Мамед *(глядя со страхом на Насреддина).* Тсс...

Водонос....когда я говорю им, что Насреддин – сын простого водоноса!

Али. Кгм!.. Кгм!.. *(Кашляет.)* Я что-то плохо слышу на левое ухо... О чем спорят эти достойные люди? Ты расслышал, путник?

Насреддин. Нет, я не расслышал... *(Понизив голос.)* А что, его имя по-прежнему запретно в Бухаре?

Юсуп. Пятьдесят плетей!

Али *(оглядываясь, шепотом).* Одного не пойму: пять лет назад глашатаи кричали, что турецкий султан отрубил ему голову...

Насреддин. Я тоже слышал об этом.

Али. Потом стало известно, что багдадский халиф повесил его...

Насреддин. Милостивый Аллах, как же халиф вешал его без головы? За что он цеплял веревку?

Али. Потом хивинский хан объявил, что содрал с него кожу и сжег живым на костре...

Насреддин. И кожу еще содрали! И сожгли!

Али. Вот я и удивляюсь, как после всего этого он мог остаться в живых, наш Ходжа Насреддин... Кгм!.. Кгм!.. *(Кашляет.)* Я, кажется, оговорился... Ты слышал что-нибудь, путник?

Насреддин. Нет, я ничего не слышал.

Шир-Мамед. Тсс...

Входит ростовщик Джафар; он, горбат, хром и крив на один глаз.

Джафар. Чайханщик, вот баранина, которую я получил у мясника в счет процентов по его долгу. Приготовь мне шашлык. *(Отдав мясо, ковыляет к калитке горшечника, стучит.)*

Калитку открывает Нияз.

Горшечник, срок твоего долга уже наступил.

Нияз *молчит, опустив голову.*

Ты мне должен сто таньга и еще триста таньга процентов, а всего четыреста таньга.

Нияз. У меня нет денег...

Джафар. В том, что у тебя нет денег, нет ничего удивительного. Но сегодня суд нашего пресветлого эмира!

В калитке появилась Гюльджан под покрывалом.

Красавица, покажи мне лицо! Сегодня ты станешь моей. И если ты будешь благосклонна ко мне, я дам твоему отцу легкую работу и хорошую пищу. Если же ты будешь

упрямиться, клянусь Аллахом, я буду кормить его сырыми бобами и заставлю таскать на спине камни! Не упрямься же и покажи лицо, о прекрасная Гюльджан! *(Сладострастно, крючковатыми пальцами приподнимает ее покрывало.)*

Гюльджан отталкивает ростовщика, он падает.

Али. Пропал горшечник... Пропал бедняга!..

Джафар *(в ярости поднимается и, отстранив Гюльджан, вешает на калитку огромный замок. Ниязу).* Сейчас мы пойдем с тобой к эмиру на суд. И после этого твой дом будет уже принадлежать мне. И ты будешь моим рабом, а дочь твоя – рабыней и наложницей! *(Идет к чайхане.)*

Нияз *(бросаясь за ним).* Джафар-ага, подождите немного. Я вылеплю еще две тысячи горшков, и продам их, и... Об отсрочке, только об отсрочке прошу!

Джафар. Я милосерден и добр, горшечник. Но посуди сам, какую пользу я могу извлечь из своей доброты? *(Принимается есть шашлык.)*

Нияз отходит к Гюльджан, оба застывают в горестных позах. Тем временем водонос вынул из-за пазухи лепешку и стал разогревать ее над жаровней. Разогрев, начинает есть. (Хватает его за шиворот.) Подожди есть, почтеннейший! Сперва следует уплатить деньги.

Водонос. Какие деньги?!

Джафар. Ты держал лепешку над моим шашлыком. А от этого она стала вдвое вкуснее и мягче! Плати! *(Трясет водоноса за шиворот.)*

Водонос. Великий Аллах, но я ее только над дымом.

Джафар. Раз этот шашлык мой, значит, дым над ним тоже мой! Плати!

Водонос. Но я ведь...

Насреддин *(прерывая его).* Нехорошо! Очень плохо пользоваться бесплатно чужим дымом!

Джафар. Ты слышишь, оборванец, что тебе говорит этот достойный человек?

Насреддин. У тебя есть деньги?

Водонос молча выгребает из кармана медяки, отдает Насреддину. Джафар протягивает за ними руку.

Подожди, любезнейший! Давай-ка сначала сюда свое ухо. *(Звенит над его ухом зажатыми в кулаке деньгами.)* Слышишь?

Джафар. Слышу.

Насреддин *(возвращая деньги водоносу).* Иди с миром!

Джафар. Как? Но я не получил платы!

Насреддин. Он заплатил тебе полностью. Он нюхал, как пахнет твой шашлык, а ты слышал, как звенят его деньги.

Джафар *(угрожающе).* Я вижу по твоей одежде, что ты чужеземец, и я... *(Его обрывает рев далекой трубы.)*

Али. Начинается суд эмира.

Джафар. И я бы тебе объяснил, как следует вести себя в Бухаре, если бы мне не надо было спешить! Горшечник, пойдем!

Джафар и Нияз уходят.

Насреддин *(напевает).*

Певцы поют для меня
И в бубны бьют для меня,
Горит душа у меня,
Потому что я человек!

(Смотрит на Гюльджан, неподвижно сидящую у водоема. И вдруг закричал, показывая в глубину водоема.) Ради Аллаха, что там такое?

Гюльджан *(приоткрыв покрывало, испуганно смотрит в водоем)*. Что? Что ты увидел там?

Насреддин. Я вижу птицу, прекраснее которой нет в мире!

Гюльджан. Какая птица? Это лягушка!

Насреддин. Если бы все лягушки имели такие глаза и такие брови, я и сам был бы не прочь стать лягушкой... Я вижу отражение красавицы!

Гюльджан *(стремительно опустив покрывало)*. Как тебе не стыдно смеяться над моим горем!

Насреддин. Я никогда не смеялся над чужим горем! Над своим приходилось, а над чужим никогда! Клянусь, что ростовщик не будет ласкать твоих кос! Это такая же истина, как то, что меня зовут... гм... гм... Как меня зовут? И много вы ему должны?

Гюльджан. Четыреста таньга. А у нас во всем доме осталось всего два... *(Показывает две монеты.)*

Насреддин. Два таньга! Да это же целое состояние! Вот что, красавица, если Джафар стал ростовщиком, то почему бы тебе не стать ростовщицей и не нажать за полчаса четыреста таньга? Дай мне в долг эти два таньга, и через полчаса я верну их и еще триста девяносто восемь таньга процентов!

Гюльджан молчит.

Молчишь? Проценты малы? Тогда возьми еще в счет процентов мое сердце...

Гюльджан *(гневно)*. Как тебе не стыдно, прохожий, смеяться над моим горем! Неужели все люди злы и безжалостны?

Насреддин. Я смеюсь? Милостивый Аллах, я хочу тебе помочь.

Гюльджан. Уйди, злой и жестокосердный человек! Уйди, прошу тебя!

Насреддин. Никуда я не уйду, пока ты не одолжишь мне два таньга.

Гюльджан. Теперь я вижу, что ты просто хочешь выманить у меня деньги! На, возьми последние, только уйди! *(Швыряет монеты на землю.)*

Насреддин *(подбирает их)*. Значит, помни, через полчаса я возвращаю тебе эти два таньга, еще триста девяносто восемь таньга процентов. И еще сердце, как уговаривались. *(Уводит ишака в чайхану. Сажает его на помост, опускает в каждое ухо ишака по монете.)*

Входят ремесленники; увидев ишака на помосте, отшатываются.

Али. Чужеземец! Куда ты посадил своего ишака?

Насреддин. Куда надо. Дай-ка мне еще чайник китайского чаю.

Али. Но ты не расплатился пока за первый чайник. И за сноп клевера, который я дал твоему ишаку.

Насреддин *(с невозмутимым видом кладет перед мордой ишака раскрытую книгу)*. Чайханщик, я заказал чаю, ты слышал?

Али. С тебя следует четверть таньга.

Насреддин. Получи свои четверть таньга. *(Ишаку.)* Пфак, расплатись. *(К Али.)* Получи у него.

Али. У кого?

Насреддин. У моего ишака.

Али. Забирай своего ишака, мошенник, и убирайся вон из моей чайханы! Убирайся вон, слышишь ты, жулик!

Насреддин. Подожди кричать! Получи свои деньги, говорю я! Пфак, у тебя выросли деньги в ушах? *(К Али.)* У него в ушах каждый день вырастают два таньга. Возьми из левого уха.

Али. Деньги вырастают в ушах?

Насреддин. Да. Возьми и положи ему сдачу.

Переглянувшись с ремесленниками, Али лезет пальцами в ухо ишака, достает монету. Ремесленники замирают, потрясенные.

Юсуп (*к Али, шепотом*). Значит, правда...

Ишак стукнул копытом.

Насреддин. Уже, Пфак? (*Перевертывает страницу книги.*) Ты делаешь успехи.

Али. О чужеземец, зачем ты положил перед ним книгу?

Насреддин. Я учу его грамоте.

Ремесленники. Грамоте?

Ишак снова стукнул копытом.

Насреддин. Хорошо, Пфак! (*Перевертывает страницу.*) Очень хорошо! (*Ремесленникам.*) Аллах снабдил его острым умом и замечательной памятью, но позабыл снабдить пальцами! Приходится ему помогать.

Юсуп. Но где же ты взял такого ишака?

Насреддин. Однажды эмир позвал меня и спросил: «Можешь ли ты обучить грамоте моего ишака, у которого в ушах вырастают деньги?» Услышав о деньгах, я ответил не задумываясь: «Конечно, могу. Но мне потребуется на это двадцать лет». Тогда эмир отдал мне ишака и сказал: «Если этот драгоценный ишак через двадцать лет не будет читать, я отрублю тебе голову».

Шир-Мамед. Ну, значит, ты наверняка потеряешь голову. Где видано, чтобы ишак научился читать?

Насреддин. Таких ишаков на свете немало. А о моей голове не плачь: за двадцать лет кто-нибудь обязательно умрет – или эмир, или я, или ишак!

Юсуп. Поистине, чужеземец, ты – удивительный человек!

Али. А твой ишак еще более удивительный! (*Кладет ему в ухо сдачу.*)

Насреддин. Да, это хороший ишак. Но сегодня мне придется его продать.

Ремесленники. Продать? Такого ишака?

Насреддин. Деньги нужны. Ну, кто купит? Четыреста таньга!

Али. Послушай, чужеземец, ты же знаешь, что таких денег ни у кого из нас нет. И потом это же самый умный в мире ишак! Как можно его продавать?!

Шир-Мамед. Да! Как можно продавать ишака, у которого в ушах вырастают деньги?

Водонос. Это же несравненный и подобный цветущей розе ишак, который выделяется, как алмаз, среди всех других ишаков! Его продавать?

Насреддин. Не беспокойтесь! Я уже продавал его тридцать шесть раз. И тридцать шесть раз он ко мне возвращался. Если бы я даже убежал от него на луну, он меня все равно не оставил бы в покое и даже там отыскал!

Входят ростовщик Джафар и горшечник Нияз.

Гюльджан. Отец! Ну что?! Что присудил великий эмир?

Джафар. Суд окончился в мою пользу, красавица.

Гюльджан. И великий эмир нам не дал даже отсрочки?

Джафар. Пресветлый эмир, наш господин и владыка, оказал вам свою великую милость! Он даровал отсрочку вашему долгу... целый час!

Гюльджан. Один час? Всего час отсрочки?

Нияз. Да, Гюльджан, один час.

Джафар. А теперь осталось пятнадцать минут. (*Снимает замок с калитки.*) Ровно пятнадцать минут вы можете пребывать еще в вашем доме и любоваться вашим садом и виноградником, а потом все это вместе с вами перейдет ко мне.

Нияз и Гюльджан скрываются в калитке.

Чайханщик, почему у тебя беспорядок? Почему ишак на помосте?

Насреддин. Чтобы покупатели могли лучше его рассмотреть.

Джафар. Значит, он продается?

Насреддин. На свете нет ишака, который бы не продавался.

Джафар. Сколько же ты хочешь за него?

Насреддин. Четыреста таньга.

Джафар (*подпрыгнув от ярости*). Сколько?

Насреддин. Четыреста.

Джафар. Четыреста?! Да он не стоит и двадцати таньга вместе с кишками и шкурой.

Насреддин. Ты забыл об его ушах, почтеннейший.

Али. У этого ишака в ушах растут деньги.

Юсуп. Каждый день по одному таньга в каждом ухе.

Джафар. Деньги растут в ушах! Да вы здесь сошли с ума!

Насреддин. Посмотри, и ты убедишься.

Джафар (*залезая в ухо ишаку*). Деньги растут в ушах! Выдумают тоже! (*Достает монету и удивленно смотрит то на ишака, то на Насреддина.*) В самом деле, деньги!

Насреддин. Посмотри теперь в другом ухе.

Али. В этом ухе я уже разменял таньга и положил туда сдачу.

Джафар (*вытаскивая медяки из второго уха*). Деньги!

Насреддин. Деньги.

Джафар. И ежедневно?

Насреддин. Ежедневно по одному таньга в каждом ухе.

Джафар (*подозрительно*). Зачем же ты его продаешь?

Насреддин. Мне срочно нужны четыреста таньга. Покупай! Через двести дней он окупит себя и станет приносить чистый доход.

Джафар (*колеблясь*). За триста я бы взял.

Насреддин. Поведу его на базар. (*Берет ишака за повод.*)

Джафар. Подожди, подожди! Я тебе дам триста пятьдесят...

Насреддин молча ведет ишака за собой.

Подожди, говорю я тебе! Ну, триста семьдесят пять... триста девяносто!.. Уступи мне хоть десять таньга!

Насреддин молча ведет ишака.

(*Задыхаясь.*) Подожди! Я согласен! Согласен! (*Дает Насреддину деньги.*) Я всегда терплю убытки по собственной доброте. Но мне некогда, я спешу.

Насреддин. Я тоже спешу.

Джафар. Куда?

Насреддин. Туда же, куда и ты.

Джафар. Ты дерзок на язык! Подобный тебе должен трепетать, разговаривая с подобным мне. Я богат, и желаниям моим нет преграды. Я пожелал самую красивую девушку в Бухаре, и сегодня она будет моей!

Ведя в поводу ишака, Джафар вместе с Насреддином подходит к калитке Нияза, стучит. Появляются Нияз и Гюльджан.

Горшечник, время истекло! (*Хозяйской рукой открывает лицо Гюльджан.*) Посмотри, разве она не прекрасна?

Насреддин. Она действительно прекрасна! Но есть ли у тебя расписка горшечника?

Джафар. Вот она!

Насреддин. Так получи свои четыреста таньга! (*Рвет расписку и возвращает ростовщику деньги, полученные от него же. К Гюльджан.*) Я с тобой в расчете, красавица! Но не забудь о моем сердце. Ты выманила его у меня в счет процентов, и теперь оно принадлежит тебе.

Нияз. О чужеземец, скажи нам имя, чтобы я знал, кого благодарить!

Джафар (*опомнившись*). Да! Имя! Чтобы я знал, кого проклинать!

Насреддин. В Багдаде и Тегеране, в Стамбуле и Мекке – везде меня зовут Ходжа Насреддин!

Нияз и Гюльджан. Насреддин?!

Ремесленники. Ходжа Насреддин?

Джафар. Ходжа Насреддин?! (*Хватает ишака за повод, тащит его за собой.*)

Занавес

Антракт 1

На просцениуме Джафар, он оборачивается и грозит в ярости кулаком.

Джафар. О презренный ублюдок! О сочетающий в себе жало змеи и сердце крысы! Ты еще узнаешь Джафара! Ты отобрал у меня красавицу, но, клянусь, твоей она не будет! Я пойду во дворец и продам эту девушку самому эмиру. Я пойду. *(Тащит за собой утирающегося ишака.)* Не упирайся, о вонючая тварь!

Вбегают стражники.

Рябой стражник. О Джафар! Говорят, в городе появился Ходжа Насреддин?

Джафар. Да, да!

Стражник. Где?

Джафар. Он там. Ловите его!

Стражники. Лови!.. Хватай!.. Держи!.. *(Убегают.)*

Джафар. Ловите его!

Тем временем ишак Насреддина убежал.

(Обернулся, видит, что ишак исчез, кричит уже совсем другим голосом.) Ловите его!

Стражники вновь сбегаются к Джафару.

Рябой стражник. Не скажете ли нам его приметы?

Тощий стражник. Какого он роста?

Джафар. Вот такой! *(Показывает рост ишака.)*

Толстый стражник. А какой у него вид?

Джафар. Мерзкий! Самый мерзкий!

Рябой стражник. А как он одет?

Джафар. Две сумки болтаются! Ловите его!

Рябой стражник. И больше ничего? Какая у него борода, усы, уши?

Джафар. Уши длинные!

Тощий стражник. А что у него на ногах?

Джафар. Копыта.

Рябой стражник. Копыта?!

Джафар. И хвост. Ловите его!

Рябой стражник. О ком вы говорите?

Джафар. О моем ишаке.

Стражники. Об ишаке?!

Рябой стражник. Ищите, ловите Ходжу Насреддина!

Стражники убегают.

Джафар. О злонравнейший из ишаков! Да облезет твоя подлая шкура! Да pošлет тебе всемогущий Аллах на пути яму, чтобы ты поломал свои ноги! О, горе мне, горе! Да прилипнут твои вонючие кишки к стенам базарного караван-сарая! Он убежал и унес в ушах мои деньги! О беда! О великий убыток! О разорение! *(Уходит стена.)*

Картина вторая

Дворик горшечника Нияза. Волшебное сияние лунной ночи. Старик, посвистывая носом, мирно спит на плоской крыше сарайчика, Гюльджан напевает в зелени виноградника.

Гюльджан.

Чтоб тебя окликать, мне даны

Губы!
Чтоб тебя окликать.

Чтоб тебя не видать, мне даны
Очи!
Чтоб тебя не видать.

Чтоб тебя отстранять,
От тебя ускользать, мне даны
Плечи!
От тебя ускользать.

Чтоб к себе притянуть и обнять
И тебя удержать, мне даны
Руки!
Чтоб тебя удержать.

Ну а что там гудит,
Словно бубен в груди?
Для чего мне дано
Сердце?
Чтоб тебя полюбить.

*Через забор перепрыгивает **Насреддин**. Подходит к Гюльджан.*

Насреддин. Одного мудреца спросили: что женщина больше всего ценит в мужчине? Красоту? Мудрец сказал: «Нет». Силу? «Нет», – сказал мудрец. Верность? «Нет!» Тогда что же? «Подарки», – ответил мудрец. Взгляни, Гюльджан, какой я принес подарок тебе. (*Любуется ожерельем.*)

Гюльджан. А где же твой ишак? Ты его не нашел?

Насреддин. Теперь я вижу ясно, что вся Бухара населена сумасшедшими. Посмотрите на нее! Ходжа Насреддин предлагает ей ожерелье и свою любовь в придачу, а она толкует о каком-то дрянном ишаке! Послушай, Гюльджан, самый большой ишак – это я, и я люблю тебя.... (*Склоняется к Гюльджан, чтобы поцеловать ее, но щеку его обжигает увесистая пощечина. Кротко.*) Я, кажется, слышал звук пощечины?

Гюльджан. Ты заслуживаешь десятка пощечин! Если ты так легко покидаешь в беде своего верного друга ишака, значит, и меня ты покинешь так же легко. Тебе нельзя верить.

Насреддин (*потирая щеку*). Вот и вся награда. Любовь – ишаку, а мне – пощечина.

Гюльджан. А зачем ты тянешь свои длинные губы куда не следует?

Насреддин. А кто это определил, куда следует тянуть губы и куда не следует? (*Склоняется к Гюльджан.*) Проклятые губы, куда вас тянет? Вы же слышали, что нельзя!..

Загудела под ударами калитка.

Гюльджан (*взволнованно вскакивает*). Беги, тебя могут схватить!

Насреддин *подходит к калитке, прислушивается, потом снимает щеколду и впускает ишака.*

Насреддин. Встречай, о женщина, своего возлюбленного!

Гюльджан. Он вернулся, он вернулся, мой ненаглядный ишак! *(Целует ишака.)*

Насреддин. Я же говорил, Гюльджан, что самый большой ишак – это я. Почему же ты целуешь его? Он все равно ничего не поймет в твоих поцелуях!

Гюльджан. Послушай, Насреддин, где твой дом? Есть ли у тебя семья? Кто твой отец?

Насреддин. Моим отцом был случай, благодаря которому я встретил тебя, моей матерью – любовь к шуткам. Где мой дом? *(Начинает петь, сдерживая голос, чтобы не разбудить старика.)*

Из конца земли в конец,
Как верблюжий бубенец,
Я скитаюсь. И со мной
Длинноухий спутник мой.

Мне ведь крыша не нужна,
Были б звезды да луна,
Было б небо надо мной,
Озаренное луной.

Мы скитаемся вдвоем:
Он – внизу, а я – на нем.
Вместе кормимся сухой:
Я – лепешкой, он – травой.

В знойный полдень вместе спим:
Я – в его тени под ним,
Надо мной спит стоя он,
Вот мой кров, и вот мой дом.

Гюльджан и Насреддин склоняются друг к другу для поцелуя, но калитка опять загудела под тяжелыми ударами.

Нияз *(проснувшись)*. Кто там?

Голос Бахтияра. По повелению эмира открой!

Гюльджан *(Насреддину)*. Стража! Беги!

Насреддин перепрыгивает через забор. Нияз спускается с крыши, дрожащими руками открывает калитку. Входит Джафар, главный визирь Бахтияр и стражники.

Бахтияр. Горшечник, твоему дому выпала великая честь и счастье. Повелитель правверных и наместник Аллаха на земле, наш госп...

Джафар *(увидев ишака)*. Вот он, мой разоритель! О исчадие ада, наконец-то я тебя нашел! *(Шарит в ушах ишака.)* А где же деньги? *(Ниязу.)* Ты уже успел их припрятать, мошенник! *(Завязывает веревку на шее ишака.)*

Бахтияр. Повелитель, наш господин и владыка, да продлятся его благословенные годы, сам эмир соизволил вспомнить твое ничтожное имя! До слуха эмира дошло, что в твоём саду растёт прекрасная роза, и он пожелал этой розой украсить дворец.

По знаку Бахтияра стражники бросаются к Гюльджану.

Нияз. Что вы делаете? Пустите ее!

Гюльджан. Пустите! Куда вы меня тащите? Пустите! Пустите меня!

Стражники выволакивают ее за калитку.

Нияз. Гюльджан, дочка... (*Падает без чувств на землю.*)

Бахтияр. Старик лишился чувств от столь великого счастья. Но завтра он, без сомнения, придет во дворец излить свою безграничную благодарность. (*Уходит.*)

Джафар (*таща ишака*). Идем же, идем, о вонючая тварь, начиненная упрямством и злобой! Ты мне стоил целых четыреста таньга и еще упираешься! (*Уходит.*)

Через забор перепрыгивает Насреддин. Сперва он кидается за Джафаром, но, увидев лежащего на земле Нияза, останавливается.

Насреддин (*кричит вслед Джафару*). Клянусь, это не пройдет тебе даром! Презренный шакал!

Нияз (*очнувшись*). Гюльджан... О Гюльджан!

Насреддин (*поднимая старика*). Я спасу ее.

Нияз. Как ты ее спасешь? Она уже в гареме – о горе, о позор! – я пойду во дворец и упаду к ногам эмира, буду умолять его, кричать и вопить, и если сердце в его груди не каменное...

Насреддин. Остановись! Ты забыл, что эмиры устроены иначе, чем остальные люди. У них нет сердца, и бесполезно их умолять. У них можно только отнять! И я, Ходжа Насреддин, – ты слышишь, старик? – отниму Гюльджан у него!

Нияз. О позор и горе на мою голову!..

Насреддин. Уйми же слезы, старик, не вопи над самым ухом! Скажи лучше, где хранятся одежды твоей покойной жены? (*Снимает свой халат, вешает его на забор.*)

Нияз ведет Насреддина в дом.

Нияз. Волосок моего сердца... Гюльджан, о Гюльджан!

Скрываются в доме. Пауза. Во дворик крадучись входит рябой стражник, хватая халат Ходжи Насреддина и убегает.

Насреддин выходит в женской одежде, опускает на лицо покрывало и исчезает в калитке.

Картина третья

Декорация первой картины.

В чайхане сидят Али, Шир-Мамед, Юсуп и водонос. На перекресток выходит глашатай.

Глашатай. Слушайте, правоверные, слушайте... Великий эмир ставит в известность своих подданных, что всякий, кто представит во дворец Ходжу Насреддина или принесет его голову, удостоится награды в десять тысяч таньга!.. Десять тысяч таньга за голову Насреддина!.. Десять тысяч таньга! (*Уходит.*)

Ремесленники, сдвинувшись в тесный круг, перешептываются. Появляется рябой стражник. Спрятавшись за помостом, подвязывает себе фальшивую бороду.

Рябой стражник. Мир вам, жители благородной Бухары.

Али. Мир и тебе, путник.

Рябой стражник. Я вижу, вы не узнали меня. Я Ходжа Насреддин.

Али. Кто Ходжа Насреддин?

Юсуп. Ты Ходжа Насреддин?

Рябой стражник. Да. (*Важно.*) Тот, кто выдавал себя перед вами за Насреддина, вовсе не Насреддин, а самозванец. Настоящий Ходжа Насреддин – это я!

Входит женщина в знакомом нам покрывале. Это – Насреддин. Услышав слова рябого, он настораживается.

Заблуждения мои были неисчислимы! Но теперь я, Насреддин, *(постным голосом)* понял гибельность грехов, раскаялся и дал клятву повиноваться великому эмиру и выполнять все предписания ислама.

Али, переглянувшись с ремесленниками, почтительно протягивает рябому стражнику пиалу с чаем.

Али. О Насреддин! Я много слышал о твоей мудрости. Теперь я всем буду рассказывать о встрече с тобой.

Рябой стражник. Вот-вот! Рассказывай всем, что Насреддин отрекся от своих заблуждений.

Али. О Насреддин! Скажи, как мусульманину следует поступать, когда купаешься в речке и вдруг услышишь призыв муэдзина? В какую сторону лучше всего обратить свой взор?

Рябой стражник. Конечно, в сторону священной Мекки.

Насреддин *(из-под покрывала)*. В сторону одежды, чтобы потом не возвращаться голым домой.

Ремесленники смеются. Рябой скользнул взглядом по Насреддину.

Шир-Мамед. Скажи, о благочестивый Насреддин, когда мусульманину приходится участвовать в похоронной процессии, где следует находиться – впереди погребальных носилок или позади?

Насреддин *(опережая стражника)*. Это безразлично, лишь бы не на самих носилках. Все опять рассмеялись.

Рябой стражник. Эй ты, женщина, как тебя там? У тебя слишком длинный язык! *(Ремесленникам.)* Мне не составило бы никакого труда уничтожить эту женщину своим остроумием, но мы ведем благочестивую беседу, в которой остроумие неуместно... Итак, я, Ходжа Насреддин, призываю вас, мусульмане, не слушать разных бродяг, ложно именующих себя Насреддином. Ловите, хватайте таких бродяг и предавайте в руки эмирской стражи!

Насреддин *(откидывая покрывало)*. Правильно! Значит, ты и есть настоящий Ходжа Насреддин?

Рябой стражник *(в замешательстве)*. Да, я – настоящий, а ты – самозванец!

Насреддин. Мусульмане, что вы смотрите? Он сам признался! Хватайте его! Вы же слышали, что за голову Насреддина объявлена награда. Держите его, иначе вы поплатитесь как укрыватели Насреддина! *(Срывает с рябого стражника фальшивую бороду.)* Хватайте его!

Рябой стражник, почуяв беду, пытается бежать, но ремесленники хватают его, обрушивают на него град кулаков.

Рябой стражник. Я пошутил! О мусульмане, я пошутил! Я не Насреддин!

Насреддин. Врешь! Ты сам признался, мы все слышали! И мы должны в точности выполнить эмирский указ! Поэтому бейте Насреддина, мусульмане! Волоките его во дворец!

Рябой стражник. Подождите! Подождите!

Ремесленники улакивают рябого стражника.

Насреддин *(к Али)*. Надеюсь, ты понимаешь, зачем этот «Насреддин» оставил мне фальшивую бороду?

Али. Зачем?

Насреддин. Чтобы никто не вздумал применить эмирский указ к настоящему Насреддину. *(Подвязывает бороду себе, снимает женскую одежду.)*

Али. Но для чего ты переодевался женщиной?

Насреддин. Я хотел пробраться в эмирский гарем.

Али. В гарем?

Насреддин. Я хотел пробраться туда, чтобы спасти Гюльджан. Но стража меня во дворец не пустила. И все же я туда проберусь!

Али. Но ты знаешь, что за твою голову обещана награда – десять тысяч таньга!

Насреддин. Знаю! И я даже подумал, не продать ли мне самому свою собственную голову за такую хорошую цену. *(Садится, пьет чай.)*

На перекресток вбегают толстый и тощий стражники, за ними мчится рябой стражник, изрядно помятый, весь в синяках.

Рябой стражник. Он был здесь!.. Ох!.. В женской одежде... Ох!..

Стражники. В женской одежде?!

Бросятся на поиски.

Рябой стражник *(бежит сзади)*. Награда моя! Я первый увидел его! Награда моя!

За сценой раздается женский вопль. Вбегает женщина, за ней гонится тощий стражник, пытаясь сорвать с нее покрывало.

Женщина. Помогите! Спасите! *(Отбиваясь от стражника.)* Юсуп! Юсуп!

На помощь тощему стражнику прибегает рябой стражник. Юсуп, услышавший призывы жены, кидается к ней.

Юсуп. Мусульмане! Чего вы смотрите! Стражники позорят наших жен!

Начинается драка.

Шир-Мамед *(работая кулаками)*. О нечестивцы!

Рябой стражник. Хватай!.. Держи!..

Юсуп *(орудуя кузнечными клещами)*. Я вам сейчас покажу!

Водонос. О пес эмира!

Тощий стражник. Отпустите мою бороду! Отпустите!

Сплетясь в клубок, стражники и ремесленники выкатываются за кулисы. Из калитки выходит Нияз, с удивлением смотрит в сторону, откуда доносятся крики.

Али *(наблюдая свалку, повторяет ее жестами, постепенно приходя в возбуждение)*. Так ему! Так!.. Шир-Мамед, в ухо! Бей в ухо! *(Насреддину.)* Вырвал полбороды, клянусь Аллахом!

Вбегает вторая женщина. За ней гонится толстый стражник. Женщина хватается один из горшков Нияза, швыряет в стражника.

Нияз. Что ты делаешь? Это же горшки!

Женщина швыряет в стражника еще один горшок.

Это же мои горшки!

Толстый стражник хватается женщину и пытается сорвать с нее покрывало.

Женщина. Помогите! Спасите!

Нияз *(схватив самый большой горшок, нелепо, по-стариковски надевает его стражнику на голову. Кричит, заглядывая снизу)*. Это тебе запасная голова, слышишь ты?

Толстый стражник силится стащить с себя плотно надетый горшок. Вбегает рябой стражник с женским покрывалом в руках, за ним гонятся ремесленники.

Шир-Мамед. Стой! Не уйдешь!

Юсуп. Ему мало досталось сегодня, он хочет еще!

Метнувшись в сторону, рябой стражник чуть не сбил с ног Гуссейна Гуслия – длинноробородого человека в арабской одежде, с огромными очками на носу.

Гуссейн Гуслия. Во имя Аллаха, что здесь творится?

Ремесленники убегают за рябым стражником, мимоходом сбив с носа Гуссейна Гуслия очки. Толстый стражник катается по земле, силясь уже не только руками, но и ногами стащить с головы горшок.

(Шаря ладонью по земле в поисках очков.) О человек, укажи мне дорогу во дворец.

Толстый стражник отвечает из горшка яростным воем.

(Найдя очки, надевает их.) О человек, укажи... *(Увидев человека с горшком вместо головы, отшатнулся. Испуганно бросается к Насреддину.)* Ради Аллаха, что здесь происходит?

Насреддин. Базар.

Гуссейн Гуслия. Что же у вас в Бухаре всегда такие базары? И как я теперь попаду во дворец?

Насреддин. Во дворец?!

Гуссейн Гуслия. Да будет тебе известно, что я – знаменитый мудрец, звездочет и лекарь и прибыл из Багдада по приглашению самого эмира.

Насреддин. А как твое имя?

Гуссейн Гуслия. Гуссейн Гуслия.

Насреддин *(прикидываясь удивленным).* Гуссейн Гуслия?! *(Опасливо отодвигаясь.)* Несчастный! Пропала твоя голова!

Гуссейн Гуслия. Как!.. Что?..

Стражник с горшком вдруг завыл и замотал головой.

Насреддин *(указывая на него.)* Разве ты не знаешь, что все это из-за тебя?

Гуссейн Гуслия. Из-за меня?

Насреддин. До слуха эмира дошло, что, выезжая из Багдада, ты поклялся проникнуть в его гарем!

Гуссейн Гуслия. Я?.. В гарем?!

Насреддин. Да-да, в гарем! И эмир повелел схватить тебя, едва ты вступишь в город, и отрубить тебе голову!

Гуссейн Гуслия. Но я никогда ничего не говорил о гареме! И я уже стар... Зачем мне в гарем?

Насреддин. Не знаю, не знаю... И вот, эмиру стало известно, что ты появился в городе, он выслал стражу, чтобы схватить тебя. И стражники стали перерывать лавки, и разрушилась торговля, и возмутилось спокойствие! Посмотри, что теперь творится по твоей вине в Бухаре!

Гуссейн Гуслия. О я несчастный!

Толстый стражник, так и не освободившийся от горшка, услышав вопль мудреца, замер.

(В отчаянии.) В Багдад!.. Обрато в Багдад!

Насреддин. Но тебя схватят у городских ворот! И приведут во дворец! И стражники получат за твою голову обещанную награду – десять тысяч таньга!

Гуссейн Гуслия. Десять тысяч таньга за мою голову?!

Толстый стражник, услышав о десяти тысячах таньга, ошупью находит забор и начинает яростно колотиться горшком об угол забора.

Насреддин *(протягивает мудрецу женскую одежду).* Я много слышал о твоей учёности, Гуссейн Гуслия. Я помогу тебе. Под женским покрывалом ты сможешь незаметно выйти из города и вернуться в Багдад.

Гуссейн Гуслия. Благодарю, благодарю тебя, о благородный бухарец!

Гуссейн Гуслия разоблачается и передает Насреддину халат и чалму. Насреддин облачается в одежду мудреца.

О великодушный бухарец, может быть, ты мне оставишь халат?

Насреддин. Если ты не опасешься, что тебя в нем узнают, возьми, о храбрый Гуссейн Гуслия!

Гуссейн Гуслия *(отшатываясь).* Нет-нет!.. Но оставь мне хотя бы чалму!

Насреддин. Если ты не боишься, что твою мудрую голову вместе с этой чалмой воткнут на шест и выставят на базаре...

Гуссейн Гуслия. Нет-нет!.. В Багдад! Скорее в Багдад!

Прибегает ишаак.

Насреддин. Эге, Пфак! *(Отвязывает болтающийся на шее ишака обрывок веревки.)* Что веревку ты перегрыз, в этом нет ничего удивительного, но каким способом ты перелез через забор ростовщика, утыканный острыми кольями и крючьями? *(Садится на ишака.)* Счастливого возвращения в Багдад, мудрый Гуссейн Гуслия! *(Уезжает.)*

Гуссейн Гуслия, путаясь в женской одежде, направляется в противоположную сторону. Толстому стражнику удалось наконец разбить горшок. Он хватается мудреца.

Толстый стражник. Ага! Попался!

Вбегает тощий стражник.

Гуссейн Гуслия *(женским голосом)*. Я тороплюсь домой к мужу! Пропустите меня, о доблестные воины!

Толстый стражник. К мужу? Домой? *(Торжествующе хохоча, срывает с мудреца покрывало.)* Вот он! Вот!

Тощий стражник. Десять тысяч таньга за его голову! Теперь мы богатые люди!

Занавес

Антракт 2

На просцениуме появляется ростовщик Джафар с веревкой в руках.

Джафар. О, горе мне! О, великий убыток!..

Входят Али, Юсуп и Шир-Мамед.

Али. Этому рябому шпиону славно досталось сегодня!

Юсуп *(разглядывая свои клещи)*. Даже погнулись... Это ему наука!

Шир-Мамед. Больше он никогда не придет подслушивать в чайхану.

Джафар. Почтеннейшие, вы не встречали где-нибудь моего ишака?

Али. А что? Убежал?..

Джафар. Это такой проклятый ишак! Пока я отлучался из дома, он перегрыз новую веревку, которую только вчера я получил от веревочника в счет процентов по его долгу. Потом сожрал все цветы и листья на благородном дереве миндаля. Потом выломал в заборе большую дыру. И после всего этот презренный ишак, опасаясь справедливого наказания, убежал, чем нанес мне убыток вдвойне!

Али. Зато, Джафар-ага, ты получаешь из его ушей ежедневно по два таньга.

Джафар. Да я ни разу не получил ломаного гроша! Каждый раз, как только у него в ушах вырастают деньги, он от меня убегает.

Шир-Мамед. Может быть, он укрылся в каком-нибудь караван-сараяе?

Джафар. Я уже обошел все караван-сарай. Там его нет. И теперь мне придется – о горе! – обходить все живодерни! Наверное, его подлая шкура уже висит где-нибудь! *(Уходя.)* Шир-Мамед, не забудь – срок твоего долга в пятницу, в час вечерней молитвы!

Али. Значит, они опять вместе – наш Ходжа Насреддин и его несравненный ишак!

Ремесленники уходят.

Картина четвертая

Эмирские покои. На шелковых подушках возлежит эмир, окруженный сановниками. Дворцовый мухобой машет над его головой опахалом. Главный кальянщик время от времени сует мундштук кальяна в рот повелителю.

У ног эмира лежит без чувств Гюльджан, накрытая покрывалом. Эмир жестом приказывает всем отвернуться; склоняется над Гюльджан, приподнимает покрывало.

Эмир. Поистине она прекрасна, и мы соизволим к ней войти сегодня же! *(Пауза.)* Поистине она прекрасна! *(Подозрительно оглядывая придворных.)* Надеемся, никто не посмел посмотреть ей в лицо?

Сановники *(хором)*. Никто не осмелился! Никто!

Эмир. Поистине она прекрасна!

Сановники молчат, в смущении поглаживая бороды.

Вы слышали? Мы трижды восхвалили ее красоту!

Длиннобородый мудрец *(робко оглядываясь)*.

Поистине меж звезд она
Блестит, как полная луна!

Мудрец в непомерной чалме *(подхватывает)*.

И вьется черная коса,
Как хвост коня Дуль-Дуль-Ата!

Кальянщик.

Так тонок стан, что муравей
Мог позавидовать бы ей!

Мухобой.

И брови словно два крыла
Взлетающего вверх орла!

Длиннобородый мудрец.

Как чернослив ее глаза!

Мудрец в чалме.

И веки точно бирюза!

Кальянщик.

Ресницы как колчаны стрел!

Мухобой.

И лоб, как луковица, бел!

Длиннобородый мудрец.

И голос тоньше бубенца!

Мудрец в чалме.

И щеки слаще леденца!

Кальянщик.

И шея персика нежней,
Чуть бьется жилочка на ней.

Мухобой.

И рот, как пуговица, мал,
И губы алы, как коралл!

Длиннобородый мудрец.

И снега грудь ее белей,
Две спелых вишенки на ней.

Мудрец в чалме.

И плечи...

Эмир. Довольно! Это мы слышали столько раз, сколько у нас в гареме жен! Неужели вы не можете придумать ничего нового? И за что только мы платим вам жалованье, о уминатели тюфяков, поглотители пищи и набиватели своих бездонных карманов!

Вбегает рябой стражник, падает ниц перед эмиром.

Рябой стражник. Пусть повелитель прикажет рубить мою голову!

Бахтияр. Что случилось?..

Рябой стражник. Проклятый Ходжа Насреддин... Он переоделся женщиной и выскользнул у меня из рук!

Эмир (*грозно обводя глазами сановников*). Когда же мы наконец увидим на блюде голову этого возмутителя спокойствия?

Сановники молчат.

Кто повелитель Бухары? Кто повелитель Бухары? Мы вас спрашиваем! Мы или он, этот презренный Ходжа Насреддин? Кто повелитель Бухары? Мы – эмир или он – эмир? Вот скоро прибудет Гуссейн Гуслия, мудрец, которого мы выписали из Багдада! И тогда горе вам! Он...

Слуга (*вбегая*). Хвала средоточию вселенной! Во дворец прибыл Гуссейн Гуслия, мудрец из Багдада!

Эмир. Зови!

Вбегает Насреддин, волоча, за собой в поводу ишака.

Насреддин (*падая ниц*). Приветствую великого эмира. Я спешил день и ночь, дабы предупредить эмира о страшной опасности... Пусть эмир скажет, не входил ли он сегодня к женщине?

Эмир. К женщине? Сегодня? Нет, мы лишь собирались...

Насреддин (*с неподдельным облегчением*). Слава Аллаху! Слава Аллаху, что я успел вовремя!

Эмир. Подожди, Гуссейн Гуслия! Ты говоришь что-то непонятное...

Насреддин. Да будет повелителю известно – ночью звезды расположились крайне неблагоприятно для него! Я исследовал звезды, вычислил их и узнал, что, пока не изменится расположение звезд, эмир не должен касаться женщины, иначе ему грозит...

Ишак, увидев возле эмира вазу с фруктами, сунул в нее свою морду. Сановники в ужасе и негодовании воздели руки. Кальящик и мухобой схватили ишака за хвост, чтобы его оттащить.

Что вы делаете? Остановитесь! (*Падает ниц перед ишаком.*) Да не прогневит высоко-рожденного султана поступок этих невежд!

Эмир. Султана? Какого султана?

Насреддин. Пресветлый эмир видит перед собой не ишака, а самого Абдуллу-абу-ибн-Муслима, великого султана Египетского. Поистине участь его горька, а история столь удивительна, что ее следовало бы записать кончиком иглы в глубине глаза!

Эмир. Так поведай же нам, Гуссейн Гуслия, поведай скорее его историю! (*Придвигает ишаку вазу с фруктами.*)

Насреддин. О повелитель, семь лет назад, исследуя звезды, я увидел однажды, что три звезды Аль-Гафр, означающие покрывало женщины, противостоят двум звездам Аль-Иклиль, означающим корону. Вычислив их, я пришел к выводу Кабз-уль-Хоридж, который

указывает на ослиные уши и плети. И понял я, пылинка в лучах славы властителей, что ослиные уши и плеть угрожают носящему корону, если он коснется покрывала женщины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.